

семидесятилетия поэта, пишет о любви Элиота к этому городу: «Любовь к Лондону начинается с симпатии к Сити – сердцу Лондона и его старейшей части. Ни один поэт со времен Ленгленда и “Лондонского растратчика”¹⁶ не описывал шум и запахи Сити так живо, как Элиот»¹⁷.

Образ города, согласно биографиям Акройда, эволюционирует в произведениях фантазеров. Ранние авторы вдохновлялись энергией и движением города, черпали образы на его улицах, Шекспир в своих пьесах широко использовал фразы и выражения, услышанные на лондонских улицах.

Фантазеры XIX в. сделали город основой своих произведений. На страницах их романов господствует социальная проблематика. Акройд анализирует в их творчестве своеобразные «портреты в лондонских интерьерах»: женщина, пытающаяся добиться пересмотра вердикта, дети в приютах, долговая тюрьма и многое другое. Лондон заражает горожан своей суетливостью, тревогой, сеет в них мечты и надежды, иных наделяет желанием действовать вопреки всем преградам.

В XX в. город, как утверждает Акройд, вышел на первый план. Он стал полноценным героем поэзии такого наиболее чуткого к духу времени поэта, как Т. С. Элиот. Лондон окутан желтым туманом, люди спрятались по квартирам и пабам, отрекаясь от стремления к лучшей жизни. Рефреном звучит «Прошу поторопиться: время» («Бесплодная земля»), относящееся ко всему: и к конкретному пабу, и к тому, что время всего Лондона вышло. Такой образ обусловлен не только личностью фантазера, но и общей атмосферой XX в.: утратой веры в прогресс и человека.

Но Лондон, который позже станет героем главной книги Акройда «Лондон. Биография», со временем избавится от этой безнадежности. Он найдет в себе силы и энергию восстать из пепла и снова стать воплощением английскости, близкой Акройду.

УДК 821.512.154.09-3+929Айтматов

МОТИВ СУДЬБЫ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Ч. Т. АЙТМАТОВА

Ю. О. Васильева

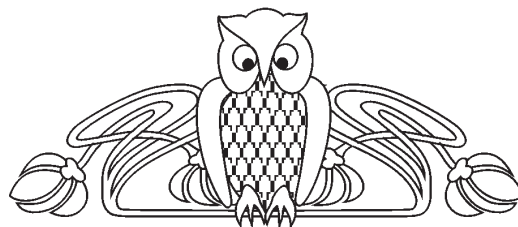
Саратовский государственный университет
E-mail: Julia5015@yandex.ru

В статье последовательно прослеживается реализация мотива судьбы в четырех романах Ч. Т. Айтматова, анализируются его семантические доминанты в каждом из произведений и выявляется эволюция этого элемента текста.

Ключевые слова: Айтматов, мотив, судьба, космизм, жертва, эсхатология, гуманистическая позиция.

Примечания

- ¹ *Ackroyd P.* The Collection : Journalism, Reviews, Essays, Short Stories, Lectures. L., 2002. P. 342.
- ² *Ibid.* P. 350.
- ³ *Акройд П.* Чосер. Биография / пер. с англ. Е. Осеневой. М., 2012, С. 20.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 6.
- ⁶ Там же. С. 54.
- ⁷ *Морозов М.* Шекспир. М., 1956. URL: http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения: 10.12.2014).
- ⁸ *Акройд П.* Шекспир. Биография / пер. с англ. О. Кельберт. М., 2009. С. 177.
- ⁹ *Collins W.* A Shockingly Rude Article // *Collins W.* My Miscellanies. L., 1875. P. 19.
- ¹⁰ *Диккенс Ч.* Наш ближайший сосед // Диккенс Ч. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. М., 1957. С. 101.
- ¹¹ Там же. С. 103.
- ¹² Там же. С. 129.
- ¹³ О влиянии «Крошки Доррит» на «Великий Лондонский пожар» Акройда см.: *Липчанская И.* Образ Лондона в творчестве Питера Акройда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. С. 9–11 ; *Она же.* Образ города в литературе постмодерна : к постановке вопроса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 79–83.
- ¹⁴ *Ackroyd P.* Dickens. L., 1990. P. 361.
- ¹⁵ *Элиот Т.* Любовная песнь Дж. Альфреда Пруффрока // Элиот Т. С. Бесплодная земля / пер. с англ. А Сергеева. М., 1971. С. 20.
- ¹⁶ В «Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда (1370–1390?) описывается лондонский район Корнхилл; в сатирической балладе «London Lyeckrennu» (XV в.) в истории о злочлочениях жителя кентской деревни, который приезжает в Лондон в поисках правосудия, Джон Лидгейт впервые дает живую картину уличной жизни в разных районах Лондона.
- ¹⁷ *Beijeman J.* T. S. Eliot the Londoner // T. S. Eliot. A Symposium for His Seventieth Birthday / ed. by N. Braybrooke. L., 1970. P. 193.

The Motive of Fate in the Late Prose by Ch. T. Aitmatov

Yu. O. Vasilyeva

The article consistently traces the actualization of the fate motive in four novels by Ch. T. Aitmatov; his semantic key points are

analyzed in each work and the evolution of this text element is revealed.

Key words: Aitmatov, motive, fate, cosmism, victim, eschatology, humanistic view.

Авторы эпических произведений, создавая автономный художественный мир, осмысленно или неосмысленно закладывают в него свое видение судьбы. В зависимости от мировоззрения художника оно может тяготеть к одной из философско-религиозных систем, а может быть авторским.

Уникальность творческой индивидуальности Ч. Т. Айтматова в том, что в его произведениях соседствуют образы и идеи разных культур. Этот писатель использует среднеазиатские мифы и создает собственные. Вместе с тем он обращается к мировым религиям. Чингиз Айтматов изображает мусульманскую молитву Буранного Едигея, почти всю жизнь прожившего в советское время, когда повсюду насаждался атеизм; пытается показать нравственные искания воспитанного в православной традиции изгнанного из семинарии за ересь Авдия Каллистратова; создает образ самопровозглашенного космического монаха, который обращается к папе римскому, однако автор в одном из интервью¹ назвал его «полирелигиозным», «полифункциональным». При этом в айтматовских произведениях постоянно дает о себе знать мотив судьбы. Г. Д. Гачев выделил его как основополагающий наряду с мотивом слова и мотивом любви².

Итак, попытаемся проследить реализацию мотива судьбы на разных уровнях текста в каждом из романов Чингиза Айтматова.

Мотив судьбы дает о себе знать уже в заглавии романа «И дольше века длится день». Оно наводит на размышления о трансформации времени. Целый век как бы «упакован» в один день. Из повествования мы узнаем, что основной пространственно-временной континуум (без малого двое суток на Буранном полуострове, что затерялся среди сарозекских степей) расширяется до вселенского хронотопа. Попытка показать связь между затерявшимся в степи полуостровом и Вселенной уже настраивает читателя на определенные мысли о судьбе. Чувствуется, что для автора одинаково важны события и на Общепуре, где решается будущее планеты, и в селении из восьми домов; между этими, малосвязанными на первый взгляд, хронотопами существует незыблемая связь.

Если рассматривать фабулу романа «И дольше века длится день», может показаться, что Ч. Т. Айтматов изображает судьбу исключительно в социальном ключе. В центре романа судьбы нескольких железнодорожных рабочих, на жизнь которых повлияли коллективизация (смерть отца Казангапа), война (контузия Едигея, плен, побег и партизанская деятельность Абуталипа), послевоенные репрессии (гибель Абуталипа), смерть И. В. Сталина, оттепель и наконец покорение космоса и вместе с тем забвение истории и мораль-

но-нравственных основ бытия. Для Айтматова важно, как он сообщает в предисловии, описать жизнь «человека трудолюбивой души» в контексте истории страны. «Рядовой человек испытывает социальные отношения, в которых он пребывает, как род дрящегося фона, на котором выделяются лишь отдельные случаи. Он их испытывает, как испытывает вкус хлеба насущного <...> Он в них заключен. И эта заключенность в свою очередь воспринимается как власть, как гнет, как судьба»³. Подобное, несколько девальвированное понимание судьбы было характерно для официальной литературы конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Однако айтматовская судьба не исчерпывается социальной детерминацией. Сильнее всего это чувствуется в «Белом облаке Чингисхана» – легенде, интегрированной в роман в 1990 г. С одной стороны, сотник Эрдене и его возлюбленная вышивальщица знамен Дугуланг полностью находятся во власти хагана, который предстает здесь стоящим выше на социальной лестнице человеком. С другой стороны, Ч. Т. Айтматов пишет, что именно судьбе было угодно привести к власти Чингисхана. Покоривший немало племен правитель, что решил завоевать весь мир, подвластен воле высшей силы точно так же, как и его подчиненные. Скорее, Чингисхан просто на некоторое время призван быть проводником судьбы. Айтматов замечает, что «жизнь могла бы уготовить отчаянному сироте судьбу лихого налетчика-конокрада, кем он был поначалу»⁴. Обратим внимание на еще одну деталь: в легенде благополучие властителя олицетворяет облако – эта деталь подчеркивает, что и его жизнь зависит от Неба. Получается, что социальная детерминация – по сути, сценарий Судьбы.

Активно функционирует мотив судьбы на уровне архитектоники романа. Признак его реализации мы усматриваем в «поэтике взаимно прорастающих сюжетов»⁵. Прежде всего критики относят к взаимопроникающим сюжетам легенду о манкурте и ситуацию перед космодромом, когда похоронной процессии не разрешают проехать к кладбищу. Мотив запретной любви объединяет подобным образом легенду о Раймалы-Аге, чувство Едигея к Зарипе и буйство Каранара как в какой-то степени двойника Едигея. Третий взаимно прорастающий сюжет – кара, настигшая старшего дозорного Эрдене и его возлюбленную, вышивальщицу Дауланг. В начале 2000-х гг. Айтматов считает необходимым эксплицитно обозначить связь сюжета, относящегося к Средневековью, со сталинскими репрессиями. Он пишет в новелле «Препоручение Богу»: «И теперь он [Абуталип] понимал, что та же сарозекская история приключилась, по сути дела повторилась, и у них на веку, теперь уже в двадцатом веке, в послевоенную пору. Он знал об одной женщине, что не отрелась от своего мужа (“империалистического агента”!) и родила дочь уже в ГУЛАГе...»⁶

Взаимно прорастающие сюжеты, как особенность романной архитектоники, указывают на то, что жизнь всего сущего (людей разных времен и животных) развивается по одним и тем же законам. Повторяющиеся сценарии развития событий подтверждают наличие определяющей многое силы. Условно эту силу и можно назвать судьбой.

При этом в картине мира Айтматова нет иерархических связей между человеком и человечеством, между затерявшимся в степи полустанком и всей земной цивилизацией. Более того, на судьбу человека и большое, и малое способно оказать одинаково сильное влияние. Об этой особенности мировосприятия киргизского автора писала Л. Е. Герасимова: «Судьбу Едигея определяют в романе и война, и послевоенные испытания, и решение на “Конвенции”, но определяют ее и встреча с Казангапом, Елизаровым, Абуталипом и Зарипой, собственная совесть, постоянная духовная работа. <...> Судьба человека и человечества связаны прямо, а не только опосредованно. Так же неразрывно смысл жизни человека и человечества – и в большом, и в малом»⁷. Такая тесная связь между разноуровневыми пластами бытия, судьбами людей и животных, отдаленными друг от друга пространством и временем, на наш взгляд, является доминантой судьбы в первом романе Айтматова.

Эта составляющая концепции айтматовской судьбы характерна и для следующих произведений автора, однако она развернется несколько иными гранями. В «Плахе», во-первых, Авдий в словесной схватке с главой хунты Гришаном заявляет, что «не бывает изолированных судеб, нет отделяющей судьбу от судьбы грани, кроме рождения и смерти. А между рождением и смертью мы все переплетены, как нити в пряже»⁸. Во-вторых, в следующем романе Чингиза Айтматова, как и в «И дольше века длится день», мир людей и мир животных изображаются как два единства. Если представитель одного единства причиняет зло представителю другого единства, это зло обязательно вернется, но, скорее всего, не непосредственно к злодею, а к его сородичу (трагедия Акбары и Бостона).

В «Тавро Кассандры» подобное противопоставления мира животных и мира людей почти полностью снято. Образы выбрасывающихся на сушу китов показывают, что все существа, населяющие нашу планету, равны перед опасностью. Более того, появление тавра словно приравнивает человека к животному перед лицом судьбы: ведь это знак, который обычно ставят на скотине.

Личная судьба человека в «Тавре Кассандры» органично вписана в судьбу всей человеческой цивилизации. Суть фантастического предположения писателя в том, что «... зло, совершенное субъектом, не уходит физически вместе с ним, с кончиной его века, а остается в генетическом лесу фатальным семенем, ожидая вероятного часа икс, когда оно даст о себе знать подобно мине

замедленного действия»⁹. Таким образом, изменится весь генофонд человечества. В нарочито заостренной, во многом публицистичной форме писатель хочет указать на антропологический кризис, выйти из которого люди смогут лишь все вместе. Сильно звучит и идея «включенности человека в цепочку поколений»¹⁰, говоря словами В. И. Вернадского.

Судьба главного героя, Роберта Борка, здесь параллельна судьбе китов, бороздящих тихий океан, однако самобытности анималистической линии уделено несколько меньше внимания, нежели в других произведениях: киты и кремлевская сова даны схематично.

Зато в последнем романе Чингиза Айтматова («Когда падают горы (Вечная невеста)») сюжет построен как раз на параллели судьбы человека, Арсена Саманчина, и обитателя заснеженных гор Жаабарса. С самого начала Айтматов пишет об «астрологической взаимосвязи двух существ», об их «космическом родстве, в том смысле, что могли они родиться волею тех же судеб под одним знаком зодиака»¹¹. К размышлениям о взаимосвязи всего на планете здесь подталкивает и восприятие гибели человека как падения горы, т. е. конца истории.

Правда, в сочетании с другими семантическими составляющими доминанта мотива судьбы в каждом из произведений заметна изменяется.

В «Плахе» ее вытесняет восприятие судьбы как жертвы. Подобное значение обнаруживает себя уже в заглавии. Плаха – место казни, насильственного прерывания жизненного пути. Смерть очень тесно связана с судьбой. В произведении киргизского писателя эта связь усиливается еще и тем, что главные герои сами жертвуют собой во имя нравственных идеалов. В одном из первых интервью Айтматов пояснял: «Плаха – это не только помост, где совершают казнь, лобное место. Человек в течение всей своей жизни так или иначе оказывается перед плахой. Иногда он восходит на эту плаху, естественно, физически оставаясь живым, иногда не восходит»¹².

В романе Авдий как будто ищет судьбу, однако писатель прямо говорит о тщетности подобного поиска: «Люди ищут судьбу, а судьба – людей... И катится жизнь по тому кругу... И если верно, что судьба всегда норовит попасть в свою цель, то так оно и случилось на этот раз»¹³. Создается впечатление, что Авдия направляет некая-то высшая сила, а собственная идея. Герой идет на страдания, чтобы предотвратить преступления других людей – он верит, что именно в этом его предназначение. Один раз, когда гонцы за анашой сбросили героя романа с поезда, чудо, а возможно, сама судьба, уберегли его. Но Авдий, ни в чем не сомневаясь, восходит на плаху второй раз и погибает.

Идея судьбы как жертвы кажется родственной христианской, однако такое сходство в большой степени формально. Для писателя важно показать не человека, что стремится разгадать замысел

Божий, а готового на все ради ближних героя. Позже в интервью¹⁴ Чингиз Айтматов скажет, что он создавал образ Авдия Каллистратова как вызов инертности молодых людей. Человек, по Айтматову, должен постоянно чувствовать свою ответственность за то, что творится во всем мире. В то же время он привязан именно к земной жизни, к обществу, а не пытается обратиться к Небу, хотя и говорит анашистам именно о Боге. В этом, на наш взгляд, гуманистическая, внерелигиозная основа айтматовской судьбы.

Идеи жертвенности не было в романе «И дольше века длится день», однако с «Плахи» она становится постоянной в творчестве писателя. Пытаясь раскрыть людям глаза, заставить их задуматься над открытием русского генетика, гибнет Роберт Борк. На орбите сводит счеты с жизнью и сам Андрей Крыльцов, объявивший себя монахом Филофеем: «...какой-то высший замысел был в том, чтобы его судьба послужила уроком. Да. Но какой ценой?! Но цена на таком пути всегда велика. Был ведь однажды великий Урок на все времена. Цена была – Голгофа. У каждого своя цена. Этот заплатил свою цену в космосе»¹⁵.

В жертву приносит себя и Арсен Саманчин, герой последнего романа Чингиза Айтматова. В финале «Вечной невесты» опять-таки звучат слова об искуплении чужой вины: «Пусть буду я жертвой, тобой принесенной, и никто не узнает о том, на что ты готов был в преступном озверении своем. Я сам повинен – перед собой, не перед тобой. Так пусть стану я твоей жертвой и твоим искуплением, бог с тобой»¹⁶.

Только идея плахи, жертвы в прозе 1990–2000-х гг. тесно переплетается у Айтматова с эсхатологическим восприятием судьбы. В «Тавре Кассандры» писатель рационализирует судьбу, смешивая непознаваемое в принципе и предсказуемое, изучаемое в рамках науки о будущем футурологии. Завязка романа в том, что ученый, бывший советский генетик получает возможность распознавать человеческие эмбрионы, которые в утробе матери сигнализируют о своем нежелании родиться на свет, предчувствуя свою горькую участь. «Открытие Филофея свидетельствует о том, что наше самосознание деформировано на генетическом уровне, деформировано по вине самого человека, из поколения в поколение живущего вопреки идеалам Мировой души. <...> Это и будет концом света. Иначе говоря, конец света заключен в нас самих»¹⁷.

На фабульном уровне читатель почти не чувствует писательской веры в то, что катастрофы, вырождения человеческого рода возможно избежать. Открывшаяся истина, знание об угрозе конца света лишь провоцирует агрессию; задумаются над глубинными причинами предрекаемой катастрофы только Роберт Борк да Энтони Юнгер. Однако разъяренная толпа избивает до смерти футуролога, который попытался объяснить суть открытия кассандро-эмбрионов. Наблюдающий за

расправой над своим последователем и беспорядками на пяти континентах Филофей уничтожает оборудование, которое выявляло тот сигнализирующий о приближающейся катастрофе знак на лбу рожениц, и сводит счеты с жизнью в космосе.

Однако на композиционном уровне трансформируется идея о том, что преобразование человека, его самосовершенствование еще возможно. Уже после развязки основной сюжетной линии читатель узнает о перерождении Андрея Крыльцова, который превратился из «Мефистофеля биологической науки» в готового отдать жизнь за человечество космического монаха. Так же преобразиться может любой – эта мысль все-таки, на наш взгляд, преодолевает эсхатологические настроения.

В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» идея рукотворного конца истории звучит еще пронзительнее – эсхатологический мотив появляется уже в заглавии произведения. Правда, идея падения гор как конца истории сразу уравновешивается обращением к вечности в подзаголовке книги. Весь сюжет растягивается между концом истории и вечностью, словно между двумя полюсами. Будущее человечества представляется зависимым от того, как каждый из живущих на Земле решит дилемму, совпадающую с названием вставного текста – рукописи Арсена Саманчина «Убить – не убить».

Главные герои последнего романа (Арсен Саманчин и барс, Ташафган и отправляющийся на войну Сергей) находятся в пороговой ситуации: всем им предстоит сделать выбор между убийством, как крайним проявлением зла, и смирением.

Отношения между судьбой и человеческим выбором у Айтматова построены неоднозначно. Не однажды в тексте упоминается о том, что у человека есть выбор, пока он не переступит за какую-то черту, не войдет в ту дверь, за которой уже стоит судьба, как проводник, от которого никак не отделаешься. Такой образ создается в эссе Саманчина «Незримые двери, или Формула обреченности». В этом ключе судьбу понимает Г. Д. Гачев: «Судьба по сценарию писателя-мастера вгоняет человека в капкан последнего и единственного решения, поступка, в котором должен полностью сказаться состав его личности, каким она выпестовалась за долгую жизнь. Концентрическими кругами, как на гарроле, сжимается пространство свободы выбора»¹⁸.

Мы помним, что герои предыдущих романов – Авдий Каллистратов, Роберт Борк, Андрей Крыльцов – делали его сознательно, жертвуя при этом собой. Однако и в тех романах Айтматов указывает на порог, переступив который, изменить судьбу нельзя. В «Плахе» есть эпизод, когда Базарбай вместе с провожатыми увозит из дома Бостона волчат. Автор замечает, что «в тот час ночь накрыла своим звездным покровом все – и горы, и небо, и озеро вдали, чья могучая горбатая»

щаяся спина еле угадывалась в темноте. И трое всадников, балагурия, ехали к Таману и не подозревали, что той ночью завязались крепким – не распутаетесь – узлом тяжкие судьбы...»¹⁹

В «Тавре Кассандры» таким определяющим все моментом становится разговор Роберта Борка и Ордока, когда футуролог высказал свое отношение к Филофею: «С этого часа судьба его оказалась зависимой от судьбы Ордока. А, с другой стороны, также совершенно немыслимым образом оказалась увязана с судьбой Филофея, находившегося в тот час на орбите»²⁰.

Тут, на наш взгляд, в прозе писателя выявляется противоречие между человеческим выбором и влиянием судьбы. В некоторых концепциях непосредственно выбор рассматривают как инструмент высшей силы, однако все же это не соответствует пафосу произведений Айтматова.

В последнем романе выбор есть у Арсена, даже в школе, когда озлобленный Ташафган рассказывает ему план захвата заложников и угрожает расправой. Однако морально-нравственная высота не позволяет герою участвовать в теракте, а уважение к однокласснику не дают предупредить об опасных замыслах остальных односельчан. При этом пример Ташафгана помогает Арсену укрепиться в своем стремлении к добру, переоценить собственное отношение к возможности прервать жизнь другого, пусть и безнравственного, человека (за несколько дней до встречи с одноклассником Арсен был готов на убийство Эрташа Курчалова).

Еще острее дилемма «Убить – не убить» звучит в эпилоге «Вечной невесты». Фаталистический взгляд на историю в этом повествовании усиливается. Так, в экспозиции вставного рассказа говорится, что «к этому великому действу (речь о сражениях Великой Отечественной войны. – Ю. В.), когда из всего сущего только солнце останется не забрызганным кровью, в края, покинутые птицами, судьба сгоняла в ту пору многих людей, быть может, родившихся на свет именно для этого рокового события»²¹.

После встречи с цыганкой о войне размышляет Сергей, серьезный, начитанный, но еще совсем не знающий жизни юноша. «И опять подумалось ему, что есть какая-то сила над всеми и над каждым, которая называется судьбой. И никто не властен остановить ее или объяснить. Наверное, от судьбы – война, от судьбы – жить или не жить, победить или не победить»²².

Однако в ситуации этой предопределенности у человека есть выбор между Добром и Злом. Чингиз Айтматов до предела заостряет мысль. Сергей отправляется на фронт, а мать напутствует его словами о том, что убивать недопустимо. Здесь бессмысленно обвинять писателя в пацифизме. Он понимал, что для защиты родины можно и нужно взять в руки оружие. Нам видится в этих словах не столько напутствие матери, сколько художественный прием, позволяющий усилить морально-нравственный посыл романа.

Заметим, что это лишь одна, умозрительная, если можно так выразиться, сторона концепции судьбы в позднем творчестве Айтматова. На наш взгляд, чем больше внимания киргизский писатель уделяет образу судьбы, тем неоднороднее и противоречивее становится его семантика.

Вспомним, что в «Плахе» есть еще одно весьма опосредованно связанное с идеей жертвы понимание судьбы. Ее воля чувствуется в смерти Эрناзара, кончине Арзыгуль, любви Бостона и Гулюмкан, гибели Кенжедеша, трагедии синеглазой волчицы Акбары.

Отметим, что первое упоминание судьбы в романе появляется при описании поведения Акбары. Волчица, испуганная вертолетами, «продолжала скулить, жалобно взывая то ли к несправедливому небу, то ли неизвестно к кому, то ли к судьбе своей несчастной, и долго еще дрожала всем телом <...>»²³. Животное здесь антропоморфно – оно чувствует и даже, возможно, просит о чем-то судьбу, как это обычно делает человек.

Линия Акбары и Ташчайнара в «Плахе» является сквозной с точки зрения архитектоники. Гибель трех выводков волчат нельзя считать случайной. Конечно, в том, что случилось с детенышами Акбары, чувствуется воля автора-публициста, желающего заострить внимание читателей на экологической проблематике. Но все же в предельно драматичном финале ощущается воля непознанной до конца автором судьбы, чем-то схожей с Роком античных трагедий.

Еще больше выбивается из общей концепции сюжет, связанный с Эрназаром. В тексте не однажды возникают указания на то, что его гибель не случайна. Напомним, этот герой провалился в расщелину в горах. Согласно многим верованиям, подобная катастрофа происходит по воле судьбы. В романе она представлена как крайне неожиданная. В первую секунду Бостон даже не может понять, что произошло. Сам Уркунчиев дважды был на волосок от гибели: сначала он чудом обошел расщелину, поглотившую его друга, а потом в тот момент, когда «кинулся к тому месту, где клубился снег, и лишь чудом остановился, отпрянул – перед ним зияла пропасть. Черным мраком и мерзлотной стужей веяло из того провала»²⁴. Но в тот момент судьба уберегла одного из главных героев от смерти.

Направляющая сила судьбы чувствуется и в том, что Бостон женится на вдове своего друга. «Ведь никогда не думали они – ни он, ни она, – что доведется им стать мужем и женой и что родится у них сын: ведь если б не погиб ее прежний муж Эрназар на перевале и если б не умерла вслед затем первая жена Бостона Арзыгуль, никогда бы этому не бывать»²⁵. Судьба словно намеренно сводит этих героев вместе. Перед смертью, в больнице, Арзыгуль сама подталкивает их друг другу.

На наш взгляд, в этой сюжетной линии проявляется воля непознанной до конца самим автором судьбы. Со времен написания «Плахи» она стано-

вится постоянной в айтматовском творчестве. На борту самолета Роберт Борк (с ним, на наш взгляд, здесь солидаризируется автор) думал о том, что судьба «никогда никому не откроется ни сегодня, ни завтра, ни через тысячу лет»²⁵. Еще отчетливее такое понимание судьбы прослеживается в «Вечной невесте». В самом начале романа читаем: «Никто не волен знать наперед, что написано ему на роду»²⁶. И еще во втором абзаце произведения: «...кто бы мог вообразить себе событие, которое оказалось за пределами человеческого разумения и если на то пошло, то, пожалуй, и за пределами божественного промысла»²⁷.

В последнем романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» мотив судьбы отчетливее, чем во всех других, проявляется на образном уровне. При описании силы, что управляет жизнями людей и животных, активен прием олицетворения. Это можно заметить рассматривая предикативный ряд, относящийся к судьбе. Итак, айтматовская судьба «поспешает, спохватившись в дозоре», «хватается за дела свои неотложные», «дарует», «избавляет от назойливости», «уготавливает», «предопределяет», «приводит» героев в хайдебергский парк, «точно и недвусмысленно дает понять» и т. д. В романе упоминается о «прихотях судьбы». Создается впечатление о какой-то самодержавной и отчасти склонной к спонтанным поступкам госпоже. Далеко не все у нее предопределено заранее.

Все эти цитаты, на наш взгляд, указывают на неполноту представленной нами концепции айтматовской судьбы. Мы склонны объяснять несоответствие самой природой романного повествования. В произведениях Айтматова, с одной стороны, Судьба не постигнута до конца автором произведения, а с другой, писатель пытается вывести метафорический, мощно воздействующий на читателя образ судьбы, который заставит человека оглянуться, вспомнить о совести, задуматься о вечном.

Примечания

- ¹ См.: Айтматов Ч. «Сокровенное слово рождается во внутренней полемике»: Беседа с обозревателем «ЛГ» Борисом Евсеевым // Лит. газ. 1994. № 26 (5506).
- ² См.: Гачев Г. О том, как жить и умирать // Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) : Роман, повесть, новелла. СПб., 2006. С. 5–16.
- ³ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 206.

- ⁴ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. М., 2013. С. 307.
- ⁵ Левченко В. Чингиз Айтматов : Проблемы поэтики, жанра, стиля. М., 1983. С. 204.
- ⁶ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 483.
- ⁷ Герасимова Л. Прогностическое начало в романе как новая мера его эпичности («Последняя прогулка» Л. Леонова, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли : межвуз. науч. сб. Саратов, 1984. С. 16–25.
- ⁸ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 591.
- ⁹ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. СПб., 2007. С. 41.
- ¹⁰ Цит. по: Семёнова С. «Конец света заключен в нас самих...» // Айтматов Ч. Тавро Кассандры: Роман, повести. С. 5–19.
- ¹¹ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). СПб., 2008. С. 19.
- ¹² Цена – жизнь : Беседа с И. Ришиной // Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М., 1989. С. 304.
- ¹³ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 677.
- ¹⁴ Как слово наше отзовется : Диалог с Н. Анастасьевым // Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. С. 304.
- ¹⁵ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 272.
- ¹⁶ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 233–234.
- ¹⁷ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. 140.
- ¹⁸ Гачев Г. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁹ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 698.
- ²⁰ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 89–90.
- ²¹ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 243.
- ²² Там же. С. 258.
- ²³ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 489.
- ²⁴ Там же. С. 729.
- ²⁵ Там же. С. 699.
- ²⁶ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 25.
- ²⁷ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 19.
- ²⁸ Там же.